

ИЗУЧЕНИЕ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА КАК ЯЗЫКА ЦЕРКВИ В СОВРЕМЕННОМ КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

И. А. Петрушко

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», Тверь

В статье обсуждается проблема статуса и роли церковнославянского языка в Русской Православной Церкви, в отечественной культуре, системе образования и воспитания личности. Разрабатывается комплексная характеристика ценности и значимости церковнославянского языка в системе российской культуры и филологической подготовки граждан России. Рассматриваются религиозная и сакральная функции одного, возможность благотворного вклада в повышение культуры повседневной речи. Предлагается авторский подход к решению таких проблем, как определение места церковнославянского языка в отечественной системе образования; уточняются методологические и социокультурные основания разрабатываемого интегративного подхода в модернизации языка православного богослужения.

Ключевые слова: теология, церковнославянский язык, язык богослужения, каноничность, субъективно-сакральный язык, эзотерический язык, духовно-нравственная ценность, культурный контекст

Дискуссии о церковнославянском языке в церковных, около- и внецерковных кругах не прекращаются на протяжении долгих лет, мы слышим их и сегодня. В них высказываются различные, зачастую диаметрально противоположные взгляды на его место в церковной жизни. Кто-то видит в нем лишь устаревшую кальку с греческого языка, адаптированную к древнеславянской речи. Многих заботит понимание людьми богослужебных текстов.

Во-первых, обратимся к языковедению. Феномен происхождения языка как такового остается областью догадок. На эту тему бытуют разные теории и гипотезы. Одна из самых ранних и сейчас наиболее убедительная с точки зрения православных верующих — логосическая (от греч. логос — понятие, разум, мысль). Идея о духовном, или сверхъестественном, божественном происхождении языка постоянно высказывается в философии и лингвистике. Её придерживались Платон, св. Григорий Нисский, епископ Ансельм Кентерберийский, немецкие ученые И. Гердер, Г. Э. Лессинг, Д. Тидеманн, В. Гумбольдт и др. [2]

Среди сторонников материализма существуют несколько гипотез о происхождении языка — гипотезы звукоподражания, междометийная (из эмоциональных криков — междометий), жестов, общественного договора, трудовых выкриков и трудовая. Их позиции обоснованы тем, что на любой язык как органичную развивающуюся систему влияют в различной степени многие естественные и искусственные факторы [7].

Необходимо отметить, что соотношение языка и мышления имеет не только вербальный, словесный характер. Об этом свидетельствуют, например, поэтическое творчество и интуиция. Подробно этим вопросом занимается новое направ-

ление в лингвистике — гипотеза лингвистической относительности. Кроме того, мышление контролируется нашим сокровенным внутренним «я» — душой. Поэтому язык связан с иррациональными метапроцессами сознания.

В теологии и лингвистике существует понятие «священного языка». В богословской науке мнения о терминах «священный» и «святой» весьма определены. Православные принципы определения их можно сформулировать по аналогии с восприятием представителями иудаизма их священного языка. Они справедливо утверждают, что сохранение иврита является условием существования и силы еврейского народа, его духовности, нравственности, культуры, традиций, обычаев, причем иудеи отмечают, что устойчивость духовных характеристик этого языка обуславливает существование еврейства и иудейства как таковых. Они придают своему языку сверхкосмическое, божественное значение. Священность языка еще не означает его святости, «святости» как полноты истины, а между тем священность текстов и предметов есть признак религиозной значимости. Те или иные священные языки используются в разных вероучениях, в том числе деструктивных.

В целом священные языки отличаются от светских языков общения прежде всего следующими свойствами:

1. возникновение при божественном участии для сакральных целей;
2. признание их священными каким-либо вероучением;
3. активное использование преимущественно в сакральной сфере;
4. наличие внутренней системы правил и оценки сакральности букв, шрифтов, слов, лексико-семантических конструкций, предложений и текстов (например, для алфавита: имя и числовое значение каждой буквы, специальные графика и знаки и т. п.);
5. широкая метафоричность;
6. использование поэтических, мелодических, шрифтовых, а также иных средств для выражения сакрального смысла.

Церковнославянский язык имеет свою непрерывную духовно-мистическую и лингвистическую историю, свое развитие, а также божественную метаисторию, по-своему схожую с развитием технологии иконописи и иконостаса (иконописный канон) как «богословия в красках». Нарушения любого церковного канона духовно опасны. Все лингвистические, графические, шрифтовые и символические средства церковнославянского языка есть элементы специализированной церковной технологии выражения благой вести (лингвистический канон). В этой связи мы полагаем допустимым утверждать о своего рода «лингвистическом богословии».

В 1917 г., в обстановке подготовки к Всероссийскому Церковному Собору, профессор И. Е. Евсеев опубликовал программную статью «Собор и Библия», в которой обозначил проблемы, стоявшие перед Церковью и ее Собором по отношению к славянскому и русскому библейским текстам, затронул ряд вопросов состава текста и его языка. В ней автор справедливо констатирует, что переломные этапы церковной, государственной и общекультурной жизни славян сопровожда-

лись «повышенной деятельностью в области уяснения и проникновения в творческую силу Библии» [цит. по: 6, с. 6]. «Новые по-настоящему значительные переводы могут возникать только при расцвете той культурной общности, которая занята этими переводами» [цит. по: 11, с. 89].

Сегодня многими членами филологического и теологического сообщества признается, что не существует объективно-сакральных языков, т. е. языков, которые были бы по своей природе отличны от всех остальных и имели бы некий особый, священный характер. Но вместе с тем общеизвестен и тот факт, что в нашей истории славянский язык действительно играл особую роль, которую можно описать выражением “субъективно-сакральный язык”, т. е. язык, воспринимающийся людьми как священный. И можно привести много примеров из истории других православных или иных христианских народов, где в той или иной степени повторялась та же ситуация: один язык — для богослужения, другой — для остальных сфер употребления. Но нужно отдавать себе отчет в том, что в разное время и в разных обществах это деление выглядело по-разному и никакие универсалистские схемы тут неприменимы.

Допустимо полагать, что правы те, кто говорит про инаковость богослужебного языка, уподобляя ее инаковости церковного искусства. Она действительно оправданна и исторически характерна для России. Но важно понять, что эта инаковость ни в коем случае не была, по крайней мере в нашей истории, традицией непонятого народу эзотерического языка: вплоть до революции невозможно было представить себе ситуацию, когда человек, владеющий литературным русским языком, не понимал бы славянского. До революции славянские молитвы в букварях располагались вместе с русскими учебными текстами. Это были своего рода реликты диглоссии, которая к тому моменту уже давно сменилась билингвизмом [3, с. 68–69, 73].

Следует определить необходимость и положительные стороны использования церковно-славянского языка как единственного богослужебного в Русской Православной Церкви. Он обладает особыми духовно-мистическими свойствами. С его помощью поддерживается языковое единство богослужебного общения Церквей. Язык богослужения в духовно-психологическом плане возвышается над обыденным языком. Его слова имеют понятийную емкость и метафоричность, большую по сравнению с современным языком. Он удовлетворяет специфическим требованиям к музыкальности произношения и пения. Церковнославянская Библия наиболее полно, точно и бережно воспроизводит (сравнительно с любыми иными переводами) первоисточники — древние библейские писания [8, с. 443–445].

Существует альтернативная точка зрения. Она достаточно определенно выражена участниками международной богословской конференции, организованной Свято-Филаретовской московской высшей православно-христианской школой. Один из участников встречи П. Гаврилюк (Даллас, США) представил следующие

тезисы: «Красота языка не может являться решающим фактором его пригодности для бого-служения. Петь гимны на непонятном языке — значит лишаться важнейшего элемента гимнографии — вероучительного — и терять людей для церкви и для Царствия Божьего <...> Мистично общение с Богом, молитвенное единство с Ним. От того только, что язык красив и непонятен, он не становится мистическим. Литургический язык должен быть средством помогающим, а не затрудняющим такое общение. Язык должен приоткрывать мир божественный, а не прятать его за ширмой загадочных формул. Зажегши свечу евхаристической молитвы, не следует ставить ее под сосуд архаизмов, но на подсвечник языка, доступного всем в доме церковном <...> Очевидно, что участие прихожан в общей молитве невозможно без слышания и понимания слов ее. Но без участия всех прихожан в молитве нарушается основа православного богослужения — соборность. Слова молитвы перестают объединять людей в Боге, но наоборот, разъединяют их, делят на тех, кто помнит молитвы наизусть, и тех, кто, может быть, пришел в храм в первый раз» [цит. по: 1, с. 160–162].

Однако важно подчеркнуть, что замена церковнославянского языка на светский язык вовсе не облегчит восприятие богослужебных текстов, построенных на особых образах Священного Писания и Священного Предания, имеющих образное (иконное) содержание. Сохранение церковнославянского языка необходимо, так же как сохранение иконописи и иконописного канона для всех православных народов.

По мнению филологического научного сообщества, упрощение, а затем и оскудение языка любой культуры или субкультуры неминуемо ведет к её постепенному размыванию или даже исчезновению. Сегодня очень высока озабоченность ученых по поводу структурного, лексического и даже духовного состояния современного русского языка. Резкий рост количества неологизмов и заимствований крайне негативно отражается на качестве языка [6, с. 9]. В такой ситуации очевидна опасность отрицательного влияния на церковно-богослужебную жизнь русской Церкви в случае русификации священо-богослужебных текстов. Обращаясь к историческому опыту нашего государства и критически оценивая сегодняшние мировоззренческие трудности стран Западной Европы и Америки, следует особенно подчеркнуть фундаментальную духовно-нравственную роль Церкви в формировании правильного устройства жизни общества и ограждать её, а значит — и свою страну от потрясений.

Современный человек привык к включенному телевизору, к тому, что он может получать информацию практически в неограниченных объемах, и, естественно, у него гораздо меньше склонности к тому, чтобы заставлял себя вчитываться в малопонятные слова и изучать новые языки. Что с этим делать — это большой вопрос. Можно, конечно, издавать Библию в комиксах, как это делают западные миссионеры, или рисовать библейские мультфильмы, хотя это достаточно спорные методы работы.

Можно идти по пути обучения. Совершенно правы те, кто утверждает, что необходима катехизация, нужно церковное образование, нужно введение в школе преподавания славянского языка. При этом необходимо искать такую форму диалога с современным человеком, которая была бы им адекватно воспринята [3, с. 74].

В западноевропейских странах латинский язык, как правило, преподается в гуманитарных классах старшей школы, являясь составной частью необходимого багажа знаний образованного человека. У нас со славянским языком совершенно иная ситуация. В частных лицах преподают в качестве древних языков, как правило, латынь, иногда — греческий, но крайне редко — старославянский или церковнославянский. При этом обучение славянскому языку не должно ассоциироваться только с Церковью, ведь в нашей стране существует светская государственная школа, в которой элементарное знакомство со старославянским, церковнославянским и древнерусским языком могло бы стать составной частью гуманитарного школьного образования, связанной не с уроками «Основ православной культуры» или Закона Божьего, а с изучением родной истории и словесности.

Не следует забывать, конечно, о грамотной и доступной светской речи в проповеди и миссионерской деятельности. Желательно гармоничное сочетание церковного и светского языков. Например, ветхозаветные, вспомогательные и разъясняющие тексты допустимо и полезно читать в современных переводах, на проповедях озвучивать тексты Священного Писания на русском языке и т. п. В миссионерских целях возможны более значимые попытки использования современного языка в богослужении для представителей малых культур и народностей. Сегодня особенно необходимо чаще и явственней высказываться о высочайшей духовно-нравственной ценности и смысле церковнославянского языка.

Таким образом, становится очевидной необходимость сохранения церковнославянского языка как священного языка богослужения, при этом возможна замена архаичных слов на синонимичные русские, более доступные восприятию. Особенно важно, что любые решения по данному вопросу могут быть приняты только соборно и по решению Священного Синода. Повышенное внимание должно быть уделено и вопросу дальнейшего использования славянского языка в области образования, его изучения как части необходимых гуманитарных знаний гражданина России, и, говоря шире, признание его как неотъемлемой части культурной жизни нашего народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гаврилюк П.* Русский язык и современное православное богослужение // Язык Церкви: материалы Международной богословской конференции (Москва, 22-24 сентября 1998 г.). М.: Свято-Филаретовская московская высшая православно-христианская школа, 2002. С. 158–172.
2. *Гируцкий А. А.* Введение в языкознание. Минск: Тетра-Системс, 2003. 286 с.
3. *Десницкий А.* Язык богослужения и языковая ситуация в обществе // Язык Церкви: материалы Международной богословской конференции (Москва, 22-24 сентября 1998 г.). М.: Свято-Филаретовская московская высшая православно-христианская школа, 2002. С. С. 68–80.
4. *Емельянов А. Н., прот.* Введение в четвероевангелие. М.: Изд-во ПСТГУ, 2010. 254 с.

5. Служение Богу и человеку в современном мире: материалы Международной научно-богословской конференции (Москва, 28-30 сентября 2011 г.). М.: Культурно-просветительский фонд «Преображение», 2013. 312 с.
6. Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура: сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой / под ред. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянской культуры, 2004. 881 с.
7. *Сусов И. П.* Введение в теоретическое языкознание: учебник [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://homepages.tversu.ru/>. Дата обращения: 4.10.13. Загл. с экрана.
8. *Хвыля-Олинтер А. И., свящ.* Духовная безопасность и духовное здоровье человека, семьи, общества. М.: Дарь, 2008. 640 с.
9. *Чистович И. А.* История перевода Библии на русский язык. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1899. 347 с.
10. *Чистяков Г. П., свящ.* Еще раз о славянском языке // Размышления с Евангелием в руках. М.: Путь, 1997. С. 36–43.
11. *Шичалин Ю. А.* Перевод и интерпретация: историко-культурный аспект // Журнал Московской Патриархии. 2008. №11. С. 83–89.